

26 января 2007 г.

Т.В. Габай

СУЩНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА

Лично у меня интерес к изучению деятельностного подхода возник в связи с разработкой модели общей структуры учебной деятельности, которая в свою очередь потребовала уточнения представлений о структуре человеческой деятельности вообще. При этом одним из существенных вопросов оказался вопрос о том, какое место в деятельностном подходе занимают такие представления и какое значение они могут иметь для решения тех или иных фундаментальных и прикладных психологических проблем.

Деятельностный подход представлялся мне как нечто «ставшее», незыблемое и безусловно надежное в качестве методологического инструмента. В свое время он способствовал выходу отечественной психологии из кризисного состояния. Последующее же развитие психологии и ее современное состояние закономерно привело к осознанию необходимости переосмыслить сущность нашей внутринаучной методологии и ее возможности в отношении дальнейшего развития психологического знания. При этом следует принять во внимание результаты работы методологов и самих психологов, которыми мы располагаем к настоящему времени, прежде всего, учесть те эвристические возможности, которые предоставляет *теория деятельности* на ее современном уровне развития.

В этой связи является значимым анализ подборки публикаций ряда авторов в журнале «Вопросы философии» № 2 и № 3 за 2001 г., которая открывается вступительной статьей В.А. Лекторского «Деятельностный подход: смерть или возрождение?». В этих работах можно встретить категорические суждения, например, что «Деятельностная тематика как в психологии, так и в философии, утратила свою былую популярность». Из текста статей становится ясным, по каким критериям производится оценка и каковы причины такой «утраты». Так, в статье В.С. Лазарева отмечается, что сама категория «деятельность» не соответствует тем задачам, которые на нее возлагаются при деятельностном подходе. Крайним случаем являются обвинения деятельностного подхода в антропоцентризме, высказываемые со стороны некоторых «экологически и консервативно» настроенных философов. Они полагают, что при деятельностном подходе природа выступает в качестве простого ресурса человеческой деятельности. Указывается, что самонадеянное «деятельностное» вмешательство, претензии на проектирование и конструирование всего

и вся порождают следствия, ставящие под угрозу существование природы и самого человека.¹

Критика в адрес деятельностного подхода производится с разных сторон, она разноречива, так что, по-видимому, она сама должна быть воспринята нами критически. Однако сходу отвергать ее было бы неразумно. Раскрывая методологический потенциал деятельностного подхода и приводя аргументы в его защиту, нужно вместе с тем проявлять осторожность при выдвижении рекомендаций для организации практики человеческой жизни в таких ситуациях, в которых существует реальная опасность *злоупотребления* данными, полученными в деятельностно ориентированных исследованиях.

На прошлых заседаниях семинара И.И. Ильясов высказал целый ряд положений, раскрывающих деятельностный подход. Таким образом, сейчас имеется некая рамка, которая позволяет нам произвести анализ и определить свое отношение как к целокупности сформулированных положений, так и к каждому из них по отдельности. Это потребует серьезной работы, и она должна быть запланирована на будущие заседания семинара.

Сейчас я ограничусь теми проблемами, которые представляются наиболее значимыми из всех и в то же время наиболее спорными – в отношении имеющихся к настоящему времени формулировок их решений.

Однако, прежде всего, необходимо, воспользовавшись схемой, предоставленной нам методологами, рассмотреть отношения психологической науки с двумя вышестоящими методологическими этажами – философским и общенаучным (системным) подходом.

Как известно, отечественная психология с самого начала базировалась на марксистско-ленинской материалистической философии. Сегодня, приняв во внимание весь массив наработанного в психологии знания, необходимо заново продумать отношение психологической науки к ее философской основе. «Абсолютной истиной» не располагает ни одна система знания, поэтому априори ясно, что и данная философская основа не может быть свободной от каких-либо ограничений. Можно предполагать, что психология обязана марксистской философии не только своими достижениями, но – в ряде случаев – также и своими затруднениями. Нельзя исключить и того, что ограничения деятельностного подхода в психологии связаны не столько с сущностью философских принципов марксизма,

¹ Вопросы философии № 2, 2001, с. 61.

сколько со спецификой «проекции» ее принципов на плоскость психологического исследования.

Далее – о системном подходе. Он, действительно, использовался и успешно используется в психологических исследованиях. А.Н. Леонтьев обосновал его необходимость в психологии, сформулировал условия и показал возможность его корректной и продуктивной реализации. Достаточно вспомнить его монументальные строки: «Всякий системный анализ есть анализ поуровневый...»². Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.

Это было сказано в контексте обсуждения проблемы единиц психологического исследования. Широко известна и успешно используется его трехчленная схема «деятельность-действие-операция». Не только «действие», но и «операция», а также сама «деятельность» при этом мыслятся как «единицы», с помощью которых можно анализировать психологические явления. А.Н. Леонтьев при этом считал не только возможным, но и необходимым выходить за пределы этих единичных реальностей – и это *характеризует задаваемое им понятие «единица»*. Исследование самой по себе деятельности уже предполагает выход за пределы действующего человека в мир внешних вещей; без такого выхода немислимо рассмотрение явления интериоризации – в значениях, использовавшихся как Л.С. Выготским, так и П.Я. Гальпериным (и при анализе процесса «интимизации», о которой говорит А.Г. Асмолов). Движение же «вглубь», за пределы «операции», является не менее оправданным в психологическом исследовании. Таким путем можно уточнить природу психических явлений, а также подтвердить существование самих психических явлений: если обнаружен механизм, то должна существовать и функция.

Синонимичное название системного подхода – «целостный подход». Имеются разные его определения. В качестве «рабочего» можно было бы принять такое: «совокупность системных принципов, ориентирующих конкретные исследования». В числе важнейших понятий используются «целостность», «элемент», «подсистема», «связи», «отношения», «структура». Система, с одной стороны, характеризуется отношениями между образующими ее элементами, а с другой, – неразрывной связью со средой. Если – в процессе реализации деятельностного подхода – мы осуществляем системный анализ, то мы должны рассматривать предмет нашего исследования в единстве, во взаимосвязях со средой – только в этих отношениях он проявляет свою целостность.

² Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.

Исследования П.Я. Гальперина также являются примером и демонстрацией возможностей системного анализа, органично включаемого в деятельностный подход.³

Это, однако, лишь краткие замечания.

Теперь – о смущающем меня (и, наверняка, не только меня) положении деятельностного подхода, формулировка которого прозвучала на предыдущем заседании: «психика порождается мозгом». Такая формулировка действительно бытует в нашей психологии, хотя, думается, что было бы непросто найти имя психолога, который безоговорочно принимал бы это положение. По меньшей мере, она звучит редуccionистски: психика как реальность более высокого порядка выводится из реальности более низкого порядка. При этом видится некая несообразность этого типа отношения природе мозга и психики (в материалистическом ее понимании).

Рассмотрим само понятие «порождение» – в связи с понятием «функционирование». Если мы говорим о «порождении» (а употребление этого слова должно быть все-таки оправдано его этимологией!), то нужно иметь в виду, что порождаемое обладает следующими свойствами:

- после рождения оно становится **независимым** от порождающего субъекта (или «квази-субъекта») – сын существует как нечто независимое от отца и продолжает существовать после смерти последнего;
- порождаемое является **подобным** порождающему:
 - **качественно** (по своей природе) – сын так же является человеком, как и отец (порождаемому передается природа порождающего);
 - **количественно** – сын (во взрослом состоянии) равен отцу по своему росту, уму и т.д.

Когда же речь идет о взаимоотношениях мозга и психики, то имеем следующее:

- психическое остается всегда **зависимым** от мозга, т.к. (согласно материалистическому пониманию) оно не субстанционально, не имеет собственной онтологии, а является **функционированием** мозга (или: «свойством» мозга как высокоорганизованной материи), т.е. оно есть «особая форма движения материи» мозга; с гибелью последнего психическое исчезает бесследно.;

³ Гальперин П.Я. Введение в психологию. Изд. МГУ.– М., – 1976.

- психика – это абсолютно **иное качество**, чем «порождающий» ее материальный аппарат, – в отличие от него, она, в частности, не обладает пространственной характеристикой (вспомним Р. Декарта), которой обладает мозг;

Т.о., в данном положении фактически говорится о *порождении* мозгом собственно-го *функционирования*, или собственного *свойства*, что нельзя признать корректным.

Тогда каким же образом – с материалистических позиций – может быть выражено отношение психики к мозгу?

*Она есть **внутреннее** проявление результатов **физиологического** функционирования мозга, т.е. такое их проявление, которое открывается исключительно самому мозгу.*

Здесь можно попытаться смягчить эту вызывающую формулировку, обратившись к понятию «субъект» – либо к понятию «верховная инстанция» как критериального признака субъекта. Данное понятие использовалось П.Я. Гальпериным⁴. Будучи материалистом, он отрицал духовную сущность «верховой инстанции», полагая, что она представлена некими структурами в мозге. П.Я. Гальперин говорил, что их еще только предстоит локализовать, однако существование самой «верховой инстанции» не вызывает сомнения. Она есть то, что представляет индивида в его целенаправленных действиях: располагает его прошлым опытом, получает и перерабатывает информацию, характеризующую его внутренние состояния и окружающий его мир, перед ней открывается содержание психических отражений; она намечает план действий и реализует его.

Если исходить из понимания психики как порождаемой мозгом, крайне осложняется вопрос о природе *подсознательного* и *бессознательного* психического. Возможно, то и другое являются вовсе не психическим, а существуют лишь в виде фиксированных установок соответствующего содержания, или «нервных моделей»⁵. Последние, не являясь собственно психическим, при определенных условиях должны не просто актуализироваться («просыпаться»), но и «соприкасаться» с «верховой инстанцией» субъекта, открываясь последнему.

⁴ Гальперин П.Я. Введение в психологию. Изд. МГУ.– М., – 1976.

⁵ Соколов Е.Н. Нервная модель стимула // Доклады АПН РСФСР, 1959, № 4.

Еще одно замечание по поводу данного положения. Поскольку при деятельностном подходе категория деятельности является центральной, то активность человека должна, прежде всего, рассматриваться на уровне *деятеля (субъекта)*, а не мозга, который является всего лишь *органом* человека, одной из подсистем деятеля, хотя и имеющей чрезвычайно важное значение для реализации деятельности и жизнедеятельности человека. Впрочем, если мы обращаемся здесь к понятию «субъект», то его нужно наполнить таким содержанием, которое бы сделало его пригодным для психологического анализа человеческой деятельности. В настоящее время слово «субъект» даже в психологической литературе употребляется в самых разных значениях, часто очень широких.

Итак, данное положение, коль скоро оно расценивается как существенный пункт деятельностного подхода, должно быть подвергнуто основательному анализу и уточнению. В настоящем же виде оно непозволительно упрощает действительность, противоречит «духу» деятельностного подхода и основополагающим идеям, акцентирующим значение внешней предметной деятельности для возникновения и развития психики.

Далее. Поскольку «всё познается в сравнении», я хотела бы привести иной взгляд на природу психики. В библейской антропологии (направлении религиозно-философской мысли) находим альтернативное по отношению к «психике» понятие: там используется понятие «душа». Однако эти понятия лежат в разных методологических плоскостях. Если понятие «психика» получается путем конструирования некоторой новой реальности из эмпирики поведения человека и (или также из внутреннего опыта), то "душа" понимается как богооткровенное знание, которое не выводится из опыта. Она охватывает собственно психическую реальность (близкую к той, которая рассматривается психологией) и телесно-физиологическую, а также мистическую реальность.⁶

Следует при этом отметить, что любые состояния, которые мы называем психическими, при таком подходе рассматриваются как состояния души. Т.е. различаются вся сфера *жизни души* человека (то, что психология изучает в качестве психики) и сама *душа* как некая онтологическая сущность, тварная и бессмертная [Там же].

С данной точки зрения, причина всех психологических кризисов коренится в понимании психики как не имеющей собственной онтологии [Там же].

⁶ Лоргус А. Православная антропология. Курс лекций. Вып. 1. - М.: Граф-Пресс, 2003. с. 92-135.

Переходя к позитивной части своего сообщения, я хотела бы акцентировать важность для обсуждения следующих тем – «клеточка» и тесно связанная с ней «единица анализа»⁷. Здесь придется сразу же уточнить: о клеточке и анализе *чего* пойдет речь? Это, однако, неизбежно возвращает нас к исходным, но до сих пор остающимися нерешенными проблемам – формулировке *объекта* и *предмета* психологического исследования.

Прежде всего, у меня возникает такой вопрос: почему мы считаем невозможным взять для психологического рассмотрения нечто *процессуальное*? Ведь сам человек по своей природе, как и любой другой объект, есть процесс! Он существует во времени, он есть развертка во времени самого себя. Его деятельность также есть процесс, хотя и более быстро протекающий, чем процесс-существование деятеля.

Во-вторых, можем ли мы исключить из рассмотрения среду, в которой человек живет и с которой он взаимодействует, обмениваясь веществом, энергией и информацией? Нас настораживает то, что мы собираемся исследовать нечто такое, что выходит за рамки индивида. Но если это «нечто» *детерминирует* состояния, характеристики и самое психику человека, находится с ней в неразрывной связи и единстве, наконец, составляет модус существования человека, то его игнорирование означает прямой отказ от реализации как принципа системности исследования, так и собственно деятельностного подхода.

Разумеется, по определению, деятельность человека есть движение не только его психики и не только его телесных частей, – оно также представляет собой и движение *косной* материи, это функционирование орудий, предмета, превращающегося в продукт, и пр. Однако нужно принять во внимание то, что включенная в деятельность косная материя ведет себя совершенно иначе, чем ей предписано природой: она – по большому счету – «игнорирует», например, закон гравитации и второй закон термодинамики. Не эту ли особенность деятельности имел в виду А.Н. Леонтьев, когда называл ее «одушевленной»? И в самом деле, разве не составляет деятельность своего рода *живой организм* – организм, который включает в себя человека в качестве своего активного начала и своего «органа»? Неужели он неинтересен для психолога? Тогда найдется ли какая-либо другая наука, которая заинтересуется этим организмом, и сможет ли она изучать его таким, каким он яв-

⁷ Впрочем, – на это можно встретить указания в методологической литературе – лучше говорить о «единице исследования».

ляется *сам по себе*?⁸ Наконец, последний вопрос: что осталось бы от предмета нашего психологического исследования, если бы удалось *отделить* человека от его деятельности! В этой связи вспоминается, что А.Н. Леонтьев видел будущую психологию как науку о потоке, или «ансамбле» целенаправленных человеческих деятельностей.

Остановимся на *единицах* анализа (исследования). Это, очевидно, лишь начало того обсуждения, которое должно развернуться на последующих заседаниях семинара. Необходимо отметить, что трехчленная схема А.Н. Леонтьева «деятельность-действие-операция» вызывала со стороны методологов критические замечания. Высказывалось мнение, что выделенные А.Н. Леонтьевым образования не относятся к контексту анализа деятельности как предмета психологического исследования, а являются лишь средством анализа природы собственно психических явлений.⁹ К этой теме придется возвратиться позже.

Нужно, однако, осознать, что в психологии не менее широко и успешно используется также и альтернативная система одноименных единиц, которые вычленяются по другому логическому основанию – по их *предметному содержанию*. Такие единицы используются в исследованиях по психологии труда («микроструктурный анализ») и педагогической психологии (выделение П.Я. Гальпериным «частей действия» – ориентировочной, исполнительной, контрольной и корректировочной).¹⁰

В основе этой классификации единиц лежат не отношения «мотив-цель-условия», т.е. это *не* «смысловая» классификация деятельностных актов. Логическим основанием здесь является характер их предметного содержания, хотя он и представлен в самом общем виде. А.Н. Леонтьев признавал за этой альтернативной классификацией право на применение, он называл ее «логико-технической». В.А. Иванников же в одной из своих работ упоминает о ней как о «технологической» классификации.¹¹ Само существование

⁸ А.Н. Леонтьев в свое время сетовал на то, что ни одна наука не проявляет готовности изучать человеческую деятельность как таковую.

⁹ Юдин Э.Г. Деятельность как объяснительный принцип и как предмет научного изучения // Вопр. философии. – 1976. – № 5.

¹⁰ Вычленение П.Я. Гальпериным указанных компонентов действия, понимаемого в качестве «единицы анализа», – равно как и введение понятия «схема ориентировочной основы действия» с выделением ее типов, а также описание системы характеристик действия, – следует рассматривать скорее как вклад в психологическую теорию деятельности, поскольку применение всех этих понятий выходит за пределы теории усвоения социального опыта, в рамках которой все эти реальности были впервые рассмотрены.

¹¹ Иванников В.А. Подходы к анализу деятельности // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии. Школа А.Н. Леонтьева. – М., 1999.

такого рода классификации деятельностных актов можно рассматривать как базис и логическое начало психологического рассмотрения человеческой деятельности со стороны ее предметного содержания. В свое время В.В. Давыдов указывал на то, что принцип предметности и содержательности деятельности как конституирующей ее характеристики обычно лишь декларируется, он слабо проработан и имеет ограниченное применение. Это является причиной того, что предметное содержание деятельности остается плохо осознаваемым.¹² Сам А.Н. Леонтьев, говоря о перспективах развития психологической теории деятельности, видел, прежде всего, необходимость уточнения и развития представлений о структуре и микроструктурах деятельности.¹³

А.Н. Леонтьев внес весомый вклад также в развитие этой альтернативной классификации деятельностных актов. Я имею в виду использованное им понятие «фаза деятельности». Это понятие, по существу, не имеет отношения к первой, «смысловой», классификации, хотя и рассматривалось автором в контексте выявления содержания понятия «действие» (см. известный пример с «загонщиками дичи»). Всякая фаза, конечно, «отвечает» цели, но – в общем случае – она не ограничивается одним-единственным действием, а включает в себя совокупность действий, объединенных определенным предметным содержанием и направленных на генезис того или иного структурного момента целостной деятельности – средства, предмета, субъекта или благоприятных внешних условий реализации конечного деятельностного акта – фазы осуществления.¹⁴ Специфика последней состоит в том, что она завершается получением конечного, желаемого деятелем продукта, что определяет ее конкретное предметное содержание, т.е. необходимый состав и последовательность производимых операций.

В пользу выделения данного понятия свидетельствуют также особые свойства фазы деятельности. А.Н. Леонтьев ссылаясь на опыты А.В. Запорожца, которые показали, что вынужденный перерыв деятельности в пределах одной фазы не может быть очень длительным, тогда как перерыв между фазами подчас в десятки и даже сотни раз превышает величину перерыва внутри одной фазы.

¹² Давыдов В.В. Категория деятельности и психического отражения в теории А.Н. Леонтьева // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 14. Психология. – 1979. – № 4.

¹³ Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. – М., 1983, т. 2.

¹⁴ В приводимых А.Н. Леонтьевым примерах фазы приготовления их содержание чаще всего представлено генезисом *средства* предстоящей фазы осуществления.

А.Н. Леонтьев (как и А.В. Запорожец) отмечал особую роль фазы приготовления в развитии интеллектуального поведения животных, а у человека она становится впоследствии и самостоятельной деятельностью мышления, способной превращаться в деятельность целиком внутреннюю, умственную»¹⁵.

К этому можно было бы добавить, что первое из отмеченных свойств «фазы деятельности» согласуется с наблюдениями из реальной жизни, которые свидетельствуют о том, что цель не только основного, но и подготовительного функционального компонента имеет мотивирующие, а продукт – подкрепляющие возможности. Это позволяет охарактеризовать функциональный компонент как структурное образование, занимающее промежуточное положение между действием и деятельностью, но тяготеющее к последней и имеющее тенденцию превращаться в нее при достаточно сложном операционном составе.

Относительно независимый статус «фазы деятельности» подтверждается еще и тем, что подготовка и осуществление часто обособливаются друг от друга. Они могут быть выполняемы разными людьми, причем не вступающими в живое общение. Подобная обособленность немыслима в пределах одного функционального блока действий, хотя, разумеется, он также может выполняться коллективно.

Понятие деятельности, обогащенное понятием «фазы» (или «функционального компонента»), становится соотносимым с понятием *жизнедеятельности* (им оперировал А.Н. Леонтьев). Правда, оно не является столь глобальным, т.к. не охватывает все деятельностные циклы на протяжении существования животного или человека. Это понятие отражает генетические связи внутри некоторой группы деятельностных актов, и его введение продиктовано требованием системного подхода при анализе деятельности. В самом деле, конкретная деятельность рассматривается не только как система, состоящая из ряда подсистем, но и одновременно как подсистема некоторого более крупного деятельностного образования.

Следовательно, понятие фазы, или функционального компонента деятельности должно использоваться в качестве концептуального инструмента при анализе деятельностных явлений. Без него невозможно обойтись, в частности, при исследовании структуры учебной деятельности, так как эта деятельность в принципе предполагает четкое разделе-

¹⁵ Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. – М., 1983, т. 1.

ние труда между партнерами. Ее основной функциональный компонент выполняется самим учащимся, а подготовительные – обучающим.

Итак, в отличие от трехчленной схемы А.Н. Леонтьева, речь здесь идет именно о *компонентах, или частях, физически составляющих рассматриваемую целостность*. В схеме же А.Н. Леонтьева «...действие не компонент и не единица деятельности – это именно ее образующая, ее момент»¹⁶.

К сожалению, специфика вычленяемых в той и другой классификации деятельностных образований не всегда рефлексирована, и в одном исследовательском контексте могут употребляться одноименные, но разнородные по своей сущности «единицы» (так, у С.Л. Рубинштейна «операция» определяется как «частичное действие»). Рефлексия оснований этих двух классификаций деятельностных образований позволяет избежать неадекватностей при описании психологических исследований, связанных с анализом деятельности, а также снять многие неясности и недоразумения, имеющие место в дискуссиях психологов и методологов по проблемам «единиц» исследования.

Совершенно очевидно, что в психологии могут использоваться обе классификации, – выбор той или другой из них определяется характером решаемой проблемы. Эти два подхода должны дополнять друг друга при системном исследовании психологического объекта.

Привлечение альтернативной классификации деятельностных образований, в частности использование понятия «фаза деятельности», подводит нас к следующим выводам. С одной стороны, содержательно-предметный ракурс анализа с проникновением в структуру деятельности обеспечивает не только исследование последней самой по себе, но и – не менее успешно, чем «смысловой» анализ – позволяет произвести выход за пределы структурной модели деятельности и реализовать потенциал деятельностного подхода при исследовании собственно психических явлений.

С другой стороны, остается совершенно нераскрытым методологический потенциал понятия «фазы осуществления». А.Н. Леонтьев, связывая с ней возможность удовлетворения исходной потребности деятеля, тем не менее, останавливается перед самим актом потребления. На поверку, содержанием этой фазы оказывается также *подготовление*, т.к. она реализует не конечную цель (= «мотив»), а предшествующую ей и тоже промежуточную – получение т.н. «предмета потребности». Если употреблять слова в их терминологическом значении, то получаемое деятелем следует назвать *средством* удовлетворения

¹⁶ Леонтьев А.А. «Единицы» и уровни деятельности // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 14. Психология. – 1978. – № 2.

потребности. Само же удовлетворение потребности деятельно еще только предстоит осуществить, и оно далеко не всегда является простым рефлекторным актом. Человеческое потребление – даже не нагруженное какими-либо дополнительными мотивами (самоутверждение, общение, экономия и пр.) как правило, является деятельностным актом. Оно может быть самостоятельной *деятельностью*, направленной на восстановление собственных жизненных сил. Либо человек рассматривает текущее потребление в качестве *подготовительного компонента* – генезиса себя в качестве субъекта некоторой новой, скажем, трудовой, деятельности. Последняя может диктовать свои определенные требования – к качеству и количеству потребляемого, к моменту потребления и др.

Успешное осуществление потребления порой становится непростой задачей. Например, акт питания, помимо наличия пищи, может потребовать соответствующего инструментального обеспечения – столовых приборов, зубных протезов, пищеварительных таблеток и пр. – и определенных навыков по их применению; тем более, если имеются какие-либо отклонения от нормы (анорексия, булимия). Все это наполняет процесс потребления определенным предметным содержанием и позволяет помимо физиологических отпавлений выделить в нем собственно деятельностные компоненты и подкомпоненты, выполнение которых также психически опосредствовано, что дает основания включить их рассмотрение в общую схему психологического анализа.

Кстати сказать, интерес к широкомасштабным и детализированным исследованиям *интероцепции* со стороны психологов становится оправданным только в свете необходимости рассмотрения деятельностных процессов, связанных с индивидуальным потреблением. Интероцепторы, сигнализирующие субъекту о состоянии внутренней среды организма, реализуют *ориентировочный компонент* потребления. Они, таким образом, наряду с экстероцепторами, участвуют в *отражении* и создании *образа мира*, – если последний рассматривается нами в его целостности, как включающий в себя также и самого «телесного, материального субъекта».

Нет сомнения в том, что обычно используемое, «урезанное», понятие человеческой деятельности берет свое начало в марксистской философии¹⁷, служившей методологической базой для отечественной психологии. Так или иначе, отечественная психология эпохи тоталитаризма потеряла из виду важное звено исследуемой реальности – личное потребление, и человеческая деятельность оказалась ограниченной предпоследним своим звеном – осуществлением человеком производительной деятельности с акцентом на *изме-*

¹⁷ Точнее было бы сказать – в марксистской *идеологии*; понятие «потребление» использовалось в политэкономии капитализма.

нениях во внешнем, объективном мире. Такие слоганы, как «человек – это звучит гордо», задавали установки на «великие свершения», и бесплотный «коммунистический ангел» не мог нуждаться в еде и питье, он должен был беззаветно трудиться «на благо общества» в целом.

Таким образом, потребление в качестве «фазы осуществления» и логического завершения деятельности фактически не рассматривалось: полученный деятелем продукт «повисал в воздухе». И не случайно, что не было по существу сколько-нибудь полной типологии самого продукта, хотя именно продукт определяет различие «деятельности», «действий» и «операций», виды продуктов определяют основную классификацию деятельностей, а продуктивность деятельности есть ее наиважнейшая характеристика.¹⁸ К этому можно было бы добавить, что те или иные типы продукта, например, прямой или побочный, *будучи потребляемы*, определяют мотивацию в последующих циклах деятельности.

Вместе с тем, в диалектическом материализме зафиксировано данное Ф. Энгельсом определение *жизни* как «способа существования белковых тел», которое распространяется и на человеческую жизнь. Человеку также необходим «постоянный обмен веществ с окружающей... внешней природой...» Производство продукта деятельности было бы лишено смысла, если бы он вслед за этим не потреблялся, не использовался человеком для обеспечения гомеостаза своей внутренней среды.

Разумеется, талант и здравый смысл исследователей обеспечивали существенный противовес внесению в психологию идеологических искажений. Все-таки деятельность выступала как «объемлющая оба полюса – объект и субъект». Более того, введенное А.Н. Леонтьевым понятие «деятельность», которая предстает как «Молярная, не аддитивная единица *жизни телесного, материального* субъекта» (выделено мною.– Т.Г.), фактически *задавало* исследуемую в психологии реальность в ее живой полноте.

В этой связи мне хочется упомянуть об одном историческом событии, о котором я узнала непосредственно от сына А.Н. Леонтьева – Алексея Алексеевича Леонтьева. В конце семидесятых годов минувшего века он предложил отцу рассматривать в качестве «единицы» психологического исследования именно и только *деятельность*. По его сло-

¹⁸ Анциферова Л.И. Принцип связи психики и деятельности и методология психологии // Методологические и теоретические проблемы психологии. – М., 1969.

вам, А.Н. Леонтьев согласился с этим предложением («авторизовал эту идею») Впервые А.А. Леонтьев сообщил об этом в своей статье в 1978 г.¹⁹

Если речь идет о *целостной* деятельности, то она есть не что иное, как сама *жизнь*: ее последнее звено замыкает цикл ассимиляции-диссимиляции.

Так понимаемая «единица» расширяет горизонты психологического исследования. Становится возможной постановка и решение в рамках деятельностного подхода ряда *новых проблем*, в том числе выяснения природы и функции подкрепления в процессе приобретения опыта, – не только при приобретении индивидуального опыта, но и в процессе учения. До сих пор с деятельностных позиций тема подкрепления практически не разрабатывалась. В учении же его необходимость как бы сама собой снималась при обеспечении учащихся полноценной ориентировкой, поскольку роль подкрепления фактически ограничивалась восполнением дефицита ориентиров у деятеля задним числом.

Однако, хотя термин «подкрепление» ассоциируется с порочной бихевиористской парадигмой, соответствующие феномены, несомненно, имеют место в ситуациях приобретения опыта. Можно надеяться, что использование в качестве единицы исследования *деятельности*, которая понимается как замкнутый цикл активности, содержащей также и «конечное действие» (Ч. Шеррингтон), позволит адекватно интерпретировать то, *что* лежит в основе «увеличения частоты реакций», верифицировать и уточнить само это явление, определить его внутренние составляющие и причины, а также механизм влияния на будущие циклы подобной активности.

Как известно, А.Н. Леонтьев понимал под мотивом *опредмеченную потребность*. Если в единичную психологическую реальность включается также акт удовлетворения исходной потребности, то тем самым расширяется область подлежащих анализу деятельностных процессов. При этом неизбежно возникают вопросы о том, какие психофизиологические явления имеют место в самом процессе потребления и какое влияние они оказывают на текущее и последующие состояния человека-деятеля.

Очевидно, что это предполагает также необходимость нисхождения психологического анализа в ту область, где зарождается *нужда* – с тем, чтобы более тщательно проследить само возникновение и ситуативное развитие побудительных сил и предметно-

¹⁹ Леонтьев А.А. «Единицы» и уровни деятельности // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 14. Психология. – 1978. – № 2.

содержательного плана активности деятеля. О необходимости исследования *нужды* как «глубинной основы потребности» (и компонента структуры деятельности) говорил В.В. Давыдов, хотя он и связывал эту задачу с особой, полидисциплинарной, областью исследования. Он полагал, что помимо органических нужд у человека есть также и нужды гуманитарного характера, например, нужда в красоте, которая еще не превратилась в ту или иную эстетическую потребность.²⁰

В одном сообщении невозможно даже кратко охарактеризовать все те вопросы, которые связаны с уяснением сути деятельностного подхода и его дальнейшей проработкой. Можно, однако, рассчитывать на то, что совместные усилия и энтузиазм участников нашего семинара – исследователей из разных отраслей психологии – приведут к продвижению в решении стоящей перед нами задачи. Нет сомнения в том, что раскрытие потенциала нашей внутринаучной методологии будет способствовать выявлению, постановке и решению новых, фундаментальных психологических проблем.

²⁰ Давыдов В.В. Новый подход к пониманию структуры и содержания деятельности. Доклад на методологическом семинаре Московского психологического общества 22 декабря 1997 года.